

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

О. Н. Низамиева
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров

Резюме. В статье осуществлен анализ социальных и ценностных основ, предопределяющих реализацию функций семейно-правовых договоров и их имплементацию в социальные структуры. Установлено, что каждая договорная функция имеет социальную обусловленность, которая проявляется в том, что договор — это 1) естественный и неизбежный результат человеческого общения и информационного обмена; 2) средство достижения компромисса, влекущего за собой упорядоченность отношений; 3) результат поиска или самостоятельной разработки сторонами правовой формы; 4) инструмент гармонизации интересов участников, определения и фиксации общей цели, объединения их усилий для ее достижения, а также экономии разнообразных ресурсов и обеспечения безопасности; 5) механизм исчерпания прав и обязанностей, порождаемых соглашением сторон; 6) фактор обеспечения и защиты прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц; 7) ресурс предотвращения и разрешения конфликтов. Доказано, что ценностную основу функционирования семейно-правовых договоров составляют 1) суверенитет и автономная воля сторон, поскольку договор выступает формой субъектности, индикаторами которой являются свобода и ответственность; 2) автономность, самостоятельность семьи как социального института; 3) обусловленность пределов договорной свободы соображениями общественной пользы, безопасности и доминирующими этическими установками; 4) равное нравственное достоинство сторон с учетом фактических различий между ними и возможной зависимости одного члена семьи от другого; 5) приемлемость для семейно-правовой сферы конструкции ретрибутивной справедливости, обладающей гуманистической направленностью и выражающейся в двух аспектах: а) соразмерности наказания проступку с возможностью его смягчения в интересах семьи; б) принципе ответа добром на добро, влекущем за собой альтруистические формы поведения в семейных правоотношениях; 6) справедливость как достижение баланса между интересами отдельных членов семьи, учет интересов семьи как социальной группы, согласование семейных интересов с интересами общества и государства, обеспечение гармонии между индивидуальными (личностными) и семейными ценностями.

Ключевые слова: договор; семейно-правовой договор; функции договора; социальные основы функционирования договора; ценностные основы функционирования договора

Для цитирования: Низамиева О. Н. Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 10. С. 21–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

Social and Values-Based Foundations of Functioning of Family-Law Agreements

Olga N. Nizamieva
Kazan (Volga) State University
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the social and value-based foundations that determine the implementation of family law contracts and their integration into social structures. The study has established that each contractual function possesses a social basis, which manifests in the following ways: 1) the contract is a natural and inevitable outcome of human interaction and information exchange; 2) it serves as a means to achieve compromise, thereby contributing to the ordering of relationships; 3) it implements the result of either a search for or an

© Низамиева О. Н., 2025

independent development of a legal framework by the parties; 4) it acts as a tool for harmonizing the interests of participants, defining and recording a common objective, consolidating their efforts to achieve that goal, as well as economizing various resources and ensuring security; 5) it constitutes a mechanism for delineating rights and obligations arising from the parties' agreement; 6) it serves as a factor for ensuring and protecting the rights and legitimate interests of both the participants in contractual relationships and third parties; 7) it represents a resource for preventing and resolving conflicts. The author demonstrated that the value-based foundation for the functioning of family law contracts encompasses: 1) the sovereignty and autonomous will of the parties, as the contract represents a form of the manifestation of legal capacity, the indicators of which are freedom and responsibility; 2) the autonomy and independence of the family as a social institution; 3) the limitations of contractual freedom governed by considerations of public benefit, safety, and prevailing ethical norms; 4) the equal moral dignity of the parties, taking into account the factual differences between them and the potential dependency of one family member on another; 5) the acceptability of a retributive justice framework within the family law sphere, characterized by a humanistic orientation, manifesting in two aspects: a) the proportionality of punishment to transgressions with a possibility for mitigation in the interest of the family; b) the principle of responding with good to good, which fosters altruistic behaviors within family legal relationships; 6) justice as the achievement of a balance among the interests of individual family members; the consideration of family interests as a social group; the alignment of family interests with those of society and the state; and the assurance of harmony between individual (personal) values and family values.

Keywords: contract; family law contract; functions of a contract; social foundations of the contract functioning, value-based foundations of the contract functioning

Cite as: Nizamieva ON. Social and Values-Based Foundations of Functioning of Family-Law Agreements. *Lex russica*. 2025;78(10):21-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.227.10.021-043

Договор — это динамическая реальность, функционирующая в конкретном историческом и социокультурном пространстве. «Определение договора, анализ его как социального явления интересовали ученых с незапамятных времен. Людей часто влекла к себе почти мистическая сила согласованного волеизъявления, способного изменять судьбы империй и обеспечивать удовлетворение простейших жизненных потребностей отдельного человека»¹.

Договорные отношения рассматриваются наукой как естественный и неизбежный результат человеческого общения, информационного обмена людей в целях поиска оптимальных условий существования. Так, К. И. Забоев связывает происхождение понятия «договор» с общением, разговорами между людьми, которые возымели определенный результат в виде некоторой договоренности между ними. Он обращает внимание на то, что в Древней Руси в IX–XIII вв. договор именовался «совещанием», «сгодой», «смолвой», «сговором». А в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значение слова «договор» дается в

рамках описания глагола «договаривать», т.е. говорить до конца².

Несомненно, человек — существо социальное. Он находится в обществе себе подобных и нуждается в нем. В течение жизни человек коммуницирует, взаимодействует с другими людьми, группами, равно как взаимодействуют между собой различные общности. «Человеческое общение выражается как минимум в речи, разговорах между людьми, которые состоят не только в информативном обмене, но и направлены на определенный результат, выгодный одной либо обеим сторонам разговора. Собственно, и сам информативный обмен совершается в большинстве случаев в целях поиска оптимальных условий проживания (либо выживания, в зависимости от этапа развития общества). Таким образом, речь приводит к определенной договоренности между людьми, закрепляющей в той или иной форме их взаимные права и обязанности»³. Соответственно, договорный процесс и договор выступают средством и результатом социального взаимодействия людей. Данное обстоятельство позволяет современной юриспруденции выде-

¹ Залесский В. В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 105.

² См.: Забоев К. И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора М. : Юридический центр, 2003. С. 11–12.

³ Забоев К. И. Указ. соч. С. 12.

лять и исследовать информационную и коммуникативную функцию договора.

Возникновение и эволюция договора также связываются с развитием экономических отношений: отношений собственности, разделением труда, усилением специализации в различных сферах человеческой деятельности и др. И. А. Покровский называл договор «живым фактором интенсивного имущественного общения»⁴. Г. А. Гаджиев, опираясь на работу Ф. Ницше «Генеалогия морали», констатирует: юридическая норма о договоре появилась из практики отношений, возникающих в ходе обмена. Она является превращенной формой обычаев обменных операций. «Купля-продажа совместно с их “психологическими придатками” старше, чем начатки каких-либо общественных форм организации и связей. Создавать цены, измерять ценности, выдумывать эквиваленты означало выменивать. Этот процесс в такой степени занимал мышление древнего человека, что в известном смысле это и было первоначальными формами юридического мышления. Из наиболее зачаточной формы личного права зреющее чувство мены, договора, долга, права, обязательства было перенесено на наиболее грубые и первоначальные общественные комплексы»⁵.

По мере нарастания количества материальных благ, появления многообразия отношений, складывающихся по поводу этих благ, а также усложнения организации общества возникает потребность в более четкой регламентации договорных отношений, что служит толчком к развитию договорного права⁶. Усиливающаяся во всех сферах жизни общества специализация также влечет за собой повышение роли договора. Как верно подмечено Т. В. Кашаниной, «если один успешно производит машины, а другой более эффективен в выпечке хлеба, то им друг без друга не обойтись. Вследствие разделения труда, сложного или простого, люди нуждаются друг в друге и поэтому вынуждены кооперироваться. Они договариваются об обмене плодами своего труда. Однако интересы их антагонистические: каждая из сторон до-

говора, имея нужду в другой, старается получить с наименьшими издержками то, в чем она нуждается, т.е. приобрести как можно больше прав в обмен на возможно меньшее количество обязанностей. Ни на каких весах невозможно точно взвесить меру действий каждого. Определение их поведения может исходить только из компромисса. Равновесное их положение находится порой не сразу, а после борьбы и длительных споров. И тем не менее, если участники договора, хотя и не достигают полностью целей в договоре, но считают такое положение дел для себя приемлемым, можно говорить, что компромисс между ними достигнут. Таким образом, суть договора состоит в том, что он является средством достижения компромисса»⁷.

Достижение компромисса влечет за собой упорядоченность отношений сторон, программирование и организацию их поведения. Данное утверждение практически бесспорно принимается как отечественной, так и зарубежной правовой доктриной. Так, С. А. Сеницын обращает внимание на то, что договор не только опосредует акт товарообмена, но и отражает в сформулированных его сторонами условиях программу поведения сторон и планирование сделки с учетом индивидуальных интересов участников договора и многообразия вариантов развития обстоятельств. Со всей очевидностью это позволяет рассматривать договор не только как предпосылку и результат товарообмена, но и как его организацию в аспекте правоотношений его участников. Сказанное, по мнению автора, дает полное основание для выделения регулирующей функции договора, координирующей деятельность его участников, производной от закрепленного в нормах договорного права дозволения. В связи с этим российские и зарубежные авторы нередко видят в договоре нормотворческие функции и основу (*Normativbestimmungen*)⁸. В частности, Л. А. Чеговадзе прямо указывает, что «выработка условий договора, которые предназначены для правовой регуляции действий по исполнению договорного обязательства, — это

⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. С. 240.

⁵ Гаджиев Г. А. Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 7.

⁶ См.: Забоев К. И. Указ. соч. С. 12.

⁷ Кашанина Т. В. Частное право: учебник. СПС «Гарант», 2013. С. 151.

⁸ См.: Сеницын С. А. Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 49–50.

процесс создания индивидуальных норм частного права, или правотворческий процесс»⁹.

Одновременно с программированием и упорядочением поведения сторон идет выбор оптимальной договорной формы, а при отсутствии таковой в законодательстве, например в связи с нетипичностью возникающего отношения, — поиск, разработка новой приемлемой для сторон договорной формы. «Как живая природа самостоятельно реагирует на изменения климата появлением и исчезновением новых видов живых организмов, так договорное регулирование изменяется в зависимости от потребностей общества и экономики, реагируя на изменения рынка появлением новых видов договоров и исчезновением старых»¹⁰.

Упомянутые грани договора дают основание для размышлений относительно его организационной, регулятивной, селективной и прогностической функций.

Обозначенная Т. В. Кашаниной ипостась договора (средство достижения компромисса) обусловлена не только экономическими факторами и потребностями торгового оборота. В. В. Залесский рассматривает договор как проявление закона динамического равновесия. По мнению профессора, максимальное использование возможностей бесконфликтного развития — одна из фундаментальных закономерностей существования и совершенствования природы и общества. «Катаклизмы и конфликты, хотя и составляют неизбежный элемент движения материи и развития сознания, в историческом плане предстают довольно редкими, чрезвычайными событиями»¹¹. Применительно к договору В. В. Залесским справедливо используются такие характеристики, как «важнейший инструмент согласования воли и интересов, используемый в человеческом обществе», «обозначение объективно необходимой гармонии интересов, потребностей существования и развития природы и общества», «одна из форм самоотчуждения, объективации воли лица, подсознательного всеобщего стремления к гармонии»¹². Бесконечная трата сил, энергии, ресурсов на противостояние остальным, посто-

янное нахождение в состоянии «войны против всех» препятствуют росту как индивидов, так и их сообществ. Согласование воли и интересов, стремление к гармонии и развитию — задача, посильная для договоров.

Очевидно, что физические, материальные, психоэмоциональные и иные возможности индивидуума ограничены. Потому для выживания и развития он должен кооперироваться, договариваться с иными индивидами. Общий смысл координации поведения субъектов права в соглашении состоит преимущественно в организационном объединении их усилий и устремлений в кооперации для достижения поставленной цели, противостоящей началам насилия и несправедливости (Г. Гроций)¹³. В данном контексте также можно говорить о договорной функции определения и фиксации общей цели, экономии всяческих ресурсов, а также обеспечения безопасности нематериального и материального толка.

Социальная основа договора также усматривается в динамике договорного отношения. Как справедливо отмечает Л. А. Чеговадзе, не только без заключения договора, но и без исчерпания содержания последующего договорного отношения цель, которая ставится действующими лицами, недостижима. Так, например, соглашение о купле-продаже включает указание на приобретение права собственности как на цель действий сторон. Однако одним соглашением (заключением договора) этой цели не достичь, необходимо поступательное развитие договорного обязательственного правоотношения на условиях данного соглашения. Именно этот процесс обеспечивает прекращение субъективных обязательственных прав покупателя и приобретение им искомого права — права собственности на покупаемую вещь¹⁴.

Вместе с тем, помимо исчерпания договорного правоотношения надлежащим исполнением его сторонами обязанностей, не исключаются дополнение или изменение содержания договора, признание его недействительным, отказ от исполнения, применение к его участникам санкций, компенсационных мер и др.

⁹ Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 335.

¹⁰ Забоев К. И. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Залесский В. В. Указ. соч. С. 109.

¹² Залесский В. В. Указ. соч. С. 109–110.

¹³ См.: Сеницын С. А. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ См.: Чеговадзе Л. А. Указ. соч. С. 336.

По мнению С. А. Сеницына, в основу перечисленного также положена идея социальной предопределенности договора. И здесь прослеживается очевидная связь с обеспечением и защитой прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц. К тому же при рассмотрении споров, вытекающих из договора, суды наделяются широкими полномочиями толкования договора, в том числе в части неприменения отдельных договорных условий (несправедливых и неэквивалентных)¹⁵. В контексте динамического развития договорного отношения можно осуществлять аналитику гарантийной (обеспечительной и защитной) функции.

Вследствие существования множества частных и публичных интересов, порой антагонистической направленности, столкновения, разногласия, борьба между индивидуумами и сообществами неизбежны. Однако в подавляющем большинстве случаев в механизме конфронтации есть место договору. В силу своего естества договор используется как эффективное средство разрешения конфликтов, ибо он «является продуктом самих конфликтующих сторон, а не навязывается извне. Миротворческая роль договора нашла яркое выражение в том обстоятельстве, что и в публично-, и в частно-правовой сфере сложились виды договоров, специально ориентированные на миротворческие функции, — соответственно мирный договор (публично-правовой международный договор, посредством которого прекращается состояние войны, фиксируются территориальные изменения и государственные границы, решаются другие политические, военные и экономические вопросы, в том числе о выводе войск, репарациях) и мировое соглашение (гражданско-правовой договор, посредством которого путем взаимных уступок устраняются неясность, сомнительность или спорность юридических отношений между сторонами)»¹⁶.

Сообразно отмеченным характеристикам в развитии института договора выделяют два направления: «С одной стороны, достаточно четко

разрабатывалась его юридическая конструкция как отражение экономических отношений в соответствии с реальными потребностями торгового оборота, с другой — в политико-философских концепциях договор выступал как своего рода идеальная основа для достижения социального мира и благополучия»¹⁷.

В науке обоснованно акцентируется внимание на некорректности рассмотрения договора только в рамках антропологической философии¹⁸. Не менее значимы исследование природы договора с точки зрения аксиологии и обращение к таким категориям, как «свобода», «долг», «справедливость», «равенство», «гуманность», «разумность», и другим правовым ценностям (ценностным модусам). Мир договора, как и права в целом, — это мир объективных ценностей, который человек в меру своих возможностей познает и осваивает. «Вопрос о ценностной характеристике договорных отношений не праздный, ведь сущность договора как согласия между индивидами означает, что оно может произойти только тогда, когда люди, договаривающиеся между собой, имеют одну “систему координат”, однозначно трактуют главные аксиологические категории, обладают сходным внутренним убеждением. В противном случае договориться между собой будет крайне затруднительно, как и выполнить само соглашение»¹⁹.

Основой и движущей силой любого договора является интерес субъекта. В фундаментальном труде Р. Йеринга «Цель в праве» отмечается: «Природа указала человеку путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям; таким путем служит для него соединение собственной цели с чужим интересом. На этой формуле основана вся наша человеческая жизнь: государство, общество, торговля и промышленный оборот. Кооперация многих людей ради одной и той же цели возможна лишь потому, что интересы всех участников кооперации, переплетаясь, сходятся в одном конечном пункте. Каждый из таких участников, может быть, и не имеет в виду цели кооперации, руководству-

¹⁵ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Казанцев М. Ф. Философия договора: первое приближение к решению научной задачи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 131.

¹⁷ Примак Т. К. Философские, политические и правовые аспекты развития договора // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 86.

¹⁸ См.: Залесский В. В. Указ. соч. С. 111.

¹⁹ Попова А. В. Христианская аксиология и онтология договорного права // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 28.

ясь исключительно собственным интересом, но совпадение всех интересов с общей целью ведет к тому, что каждый, заботясь только о себе, содействует общей цели»²⁰. При этом интересы могут детерминироваться не только экономическими, но и физиологическими, культурными, психологическими, психоэмоциональными и иными факторами, что особо значимо в семейных отношениях. Но в любом случае договор немислим без возбуждения интереса.

Приведенные суждения не вызывают возражений. Однако осознание собственного интереса возможно только лицом, обладающим достаточным суверенитетом, самостоятельной автономной волей, определенной свободой поведения, ибо «договор — это понятие равенства»²¹. Данную мысль применительно к гражданско-правовой сфере очень точно высказала Ф. И. Хамидуллина. «Так, мое отношение к себе эгоистически разумно: желаю блага в первую очередь себе, руководствуюсь прежде всего личным интересом, но вместе с тем и понимаю/принимаю, что в мире я не один и мои поступки, направленные к собственной пользе, так или иначе содействуют пользе других, а следовательно, мне лучше с ними сотрудничать, чем конфликтовать. Но такое самосознание можно обрести лишь при наличии как минимум автономии воли и имущественной самостоятельности. Ведь психологически я вряд ли буду способен судить о том, что составляет мой личный интерес, если не чувствую себя достаточно суверенным, не осознаю свой долг и не имею материальных возможностей самостоятельно удовлетворить элементарные жизненные потребности. Напротив, мое свободное самоопределение формирует такой субъективный опыт, который в дальнейшем... дает импульс к развитию юридического понимания собственности в качестве материальной основы и экономического выражения свободы личности, что, в свою очередь, гарантирует реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, а также исполнение обусловленных ею обязанностей.

При том в моем отношении к другим я также исхожу из признания и уважения их автономии воли и имущественной самостоятельности, реализуя тем самым наше равенство и свободу в гражданско-правовых отношениях»²².

Прежде всего договор — это форма проявления субъектности, индикаторами которой выступают *свобода* и *ответственность (долг)* за собственные решения. Привести доказательства этого утверждения в брачно-семейных отношениях не представляет особой сложности, ибо семейно-правовой договор имеет место там и тогда, когда его стороны признаются субъектами права, автономными личностями, обладающими необходимой свободой в принятии решений и несущими за такие решения ответственность.

В исторической ретроспективе первым договором в сфере семьи, пожалуй, явился договор о браке (соглашение о заключении брака, брачный сговор, который мог сопровождаться различными имущественными аспектами). С рабынями, пленницами, которые рассматривались в качестве трофеев — вещей, объектов, договоры о браке не совершались. Но если женщина имела соответствующий правовой статус, была свободной, заключавшийся брак имел договорный характер. Если же будущие супруги находились под властью главы семьи — патриарха, как правило, родителя, соответственно, договор о браке совершался исключительно лицом, обладавшим правовой личностью²³. «Поскольку роль родителей в браке молодых... была доминирующей, сам брак свершался по родительскому выбору, который был неоспорим и подчинение которому было бесспорно, то и отношения по поводу предстоящего брака складывались не столько между женихом и невестой, сколько между их семьями»²⁴.

Отечественные исследования, касающиеся эволюции договорного регулирования семейных отношений, как правило, охватывают исторический период с 1917 г.²⁵ И это не случайно.

²⁰ Йеринг Р. фон. Избранные труды. Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. С. 40.

²¹ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 10.

²² Хамидуллина Ф. И. Нравственные основания гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 200.

²³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 484 ; Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1998. С. 450–451.

²⁴ Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М. : Ось-89, 2003. С. 14.

²⁵ См., например: Вихарев А. А. Эволюция договорного регулирования семейных отношений в российском законодательстве // Образование и право. 2019. № 5. С. 85–90 ; Филиппова Т. А., Громоздина М. В.,

Именно Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 18.12.1917²⁶ закрепил новые принципы построения семьи: равенства прав мужчины и женщины в семейных отношениях, равенства прав детей, рожденных в браке и вне брака, добровольности брака, свободы развода, что стало впоследствии основой для возникновения иных семейно-правовых договорных конструкций. Однако говорить о сколь бы то ни было серьезном договорном регулировании семейных отношений стало возможным только к концу XX в., ибо договоры внутри семьи возникают на почве некоторой атомизации ее членов и осознания ими своих прав, а равным образом и ответственности. «Когда индивид перестает рассматриваться преимущественно как элемент группы (общины, цеха, сословия или нации) и добивается признания своей автономии, это не означает, что люди перестают друг с другом взаимодействовать, а предполагает, что это взаимодействие начинает выстраиваться преимущественно на контрактных началах»²⁷.

Существование договоров в семейных отношениях возможно при условии не только автономной свободы членов семьи, но и определенной автономности ее самой. При стремлении государства регулировать семейные отношения исключительно при помощи императивных норм, вторгаться во все сферы жизнедеятельности семьи, договору нет места.

В философском понимании свобода выступает в двух основных значениях. Во-первых, она представляет собой способность и возможность человека самостоятельно делать выбор, действовать по своему усмотрению, мыслить и поступать в соответствии со своими потребностями, интересами и целями. Это не свойство, а неотъемлемая составляющая человеческой сущности (субстанции), которая имеет фундаментальное значение в определении чело-

века как мыслящего и самостоятельно действующего субъекта, обладающего возможностью выбора в соответствии со своей волей²⁸. В этом смысле свобода — «явление психологического порядка» (внутренняя свобода). Во-вторых, свобода понимается как социальное (общественное) явление. «Уровень договорной свободы является показателем и проявлением свободы человека и общества в целом»²⁹. Философский парадокс свободы заключается в том, что она может быть осознана и реализована человеком только в системе социальных связей. Свобода есть ценность лишь в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове, она лишена всякого смысла³⁰. Как общественное явление свобода, выражающаяся в том или ином поведении человека, получает оценку со стороны других людей (внешняя свобода)³¹.

С точки зрения права свобода — это 1) обозначение правового положения человека и его личной физической неприкосновенности (элемент правоспособности); 2) возможность, сопоставимая с субъективным правом; 3) нематериальное благо, объект субъективного права; 4) правовой принцип и необходимое условие существования правового государства; 5) мера необходимых и объективно обусловленных ограничений.

В любом случае свобода одного субъекта немыслима без свободы другого. «Принцип права предполагает уважение к правам других лиц. Его суть, в соответствии со знаменитым определением Канта, состоит в том, что “моя свобода” ограничивается равной свободой других лиц, и в этом — залог всеобщей свободы и беспрепятственного пользования личными правами»³².

Согласно статье 421 ГК РФ (пожалуй, единственной на сегодняшний день фиксирующей в концентрированном виде принцип свободы договора) принцип свободы гражданско-пра-

Титаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 1. С. 57–65.

²⁶ СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

²⁷ *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. М. : Статут, 2012. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. С. 283.

²⁸ См.: *Свендсен Л.* Философия свободы : монография. М. : Прогресс-Традиция, 2016 ; *Черненко А. К.* Философия права. 2-е изд. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. С. 46–47.

²⁹ *Казанцев М. Ф.* Указ. соч. С. 131.

³⁰ См.: *Клименко Ю. Г.* Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (44). С. 457–458.

³¹ *Клименко Ю. Г.* Указ. соч. С. 458.

³² *Мартышин О. В.* Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 9.

вового договора предполагает свободу вступления в договорные отношения, выбора стороны, а также типа и вида договора, включая смешанный и непоименованный, определения параметров договорных отношений. В то же время очевидно, что договорная свобода отнюдь не абсолютна.

Что является причинами или основой ограничения договорной свободы? По этому вопросу представляют интерес размышления А. Г. Карапетова и А. И. Савельева. В политико-правовом контексте авторы выделяют этические и утилитарные основания, оправдывающие введение тех или иных инструментов сдерживания договорной свободы. Этические ограничения обосновываются соображениями этики (например, справедливости), утилитарные — общественной пользой (например, экономической эффективностью или предотвращением социально вредных последствий). При этом отмечается, что многие этические ценности в той или иной форме отражают долгосрочные утилитарные установки, поскольку укорененные в культуре этические императивы суть результат накопления тысячелетнего опыта поиска наиболее целесообразных для общества и оправданных с экономической точки зрения утилитарно приемлемых решений³³. Иными словами, во многих случаях наблюдается совпадение этических императивов и утилитаризма.

Тем не менее, по мнению А. Г. Карапетова и А. И. Савельева, совпадение того, что является этическим, с тем, что может быть оправдано с точки зрения «утилитаризма правил», отнюдь не всегда предопределено. Не исключается конфликт утилитарных и этических соображений. Например, «по всей вероятности, экономически можно рассчитать, что добровольный контракт, согласно которому нищий обязуется покончить с собой и завещать свои органы некоему богатому реципиенту, взамен берущему на себя обязательства по содержанию семьи нищего, является вполне экономически эффективным, так как отражает реальную оценку собственных интересов контрагентами и увеличивает общее благосостояние: богатч остается жив и приносит большую пользу обществу, а донор спасает свою семью и дает возможность детям вырваться из нищеты. Но что бы там ни гово-

рили нам эти расчеты Парето-эффективности такой сделки, наше этическое чувство восстанет против такого проявления (кстати, отнюдь не гипотетического) свободы договора и потребует запретить такие аморальные сделки»³⁴. Таким образом, сам критерий общественной полезности, выступающий мерилем тех или иных правовых решений, вряд ли может быть ясно определен без использования этических стандартов, ибо право в не меньшей мере есть инструмент обеспечения справедливости, а также ряда иных этических ценностей³⁵.

Авторы обращают внимание на то, что при конфликте утилитарных и этических соображений выбор правовой системы является результатом попытки сбалансировать эти ценности и найти лучшие компромиссы (trade-off). Иногда выбор будет сделан в пользу этических принципов. Во многих случаях снижение экономической эффективности является социально приемлемой ценой, которую общество готово платить за решение тех или иных этических проблем. В других же — результат политико-правового анализа ограничения договорной свободы может быть противоположным и справедливость или общественная нравственность будет принесена в жертву экономической эффективности или иным утилитарным соображениям. При этом А. Г. Карапетов и А. И. Савельев приходят к выводу о принципиальной невозможности механизировать процесс, выработать универсальную формулу принятия оптимального решения³⁶.

Упомянутый конфликт утилитарных (прагматических) и этических ценностей в договорном регулировании отношений семейно-правовой сферы также имеет место. Так, например, архисложной для принятия правовых решений является область использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ). Казалось бы, современные биотехнологические и медицинские достижения человечества способны преодолевать проблемы бесплодия, генетических и наследственных заболеваний, другие социальные проблемы в условиях демографического кризиса, существующего в том числе и в России. Постоянно совершенствующиеся ВРТ способствуют реализации репродуктивной свободы людей. Несомненно, здесь присутствует и

³³ См.: Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 289–291.

³⁴ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 292–293.

³⁵ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 292–295.

³⁶ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 294–295.

гуманитарное начало, поскольку предоставляется возможность бесплодным людям реализовать себя в качестве родителей³⁷.

Вместе с тем во многих государствах из морально-этических соображений суррогатное материнство находится под запретом. Законодательный запрет на сделки между «заказчиками» и суррогатной матерью обусловлен:

1) интересами ребенка, поскольку на сегодняшний день не существует серьезных исследований о том, как влияет на ребенка расщепление образа матери, неизбежное при суррогатном материнстве; вполне возможен кризис идентичности. Кроме того, договорные отношения между потенциальными родителями и суррогатной матерью подразумевают, что ребенок является объектом договора. Такая ситуация, подтверждающая существование так называемого права на ребенка, недопустима. С более жестких этических позиций суррогатное материнство расценивается как торговля людьми³⁸;

2) благополучием суррогатной матери и ее семьи. Беременность всегда подразумевает некоторую угрозу здоровью женщины, вынашивающей ребенка. Последствия, включая психологические, суррогатного материнства могут сказываться еще много времени спустя. Особенно сложно предсказать психологические последствия для суррогатной матери и ее семьи, в частности то, как повлияет на других ее детей тот факт, что, родив им брата или сестру, мать отдает его (ее) в другую семью;

3) риском эксплуатации суррогатной матери. Социологические исследования показывают, что чаще всего суррогатными матерями стано-

вятся женщины, неблагополучные в материальном отношении;

4) противоречием публичному порядку и традиционным семейным ценностям³⁹.

Что касается российского права, допускающего ВРТ, в том числе с использованием суррогатного материнства, то в настоящий период в силу изменения вектора ценностных ориентиров наблюдается трансформация правового нормирования отношений суррогатного материнства. Закрепление на конституционно-правовом уровне ценности семьи, материнства, отцовства, детства, брака как союза мужчины и женщины, семейного воспитания детей и других традиционных семейных ценностей (ст. 38, 67.1, 72 Конституции РФ) повлекло за собой введение ряда императивов, касающихся субъектного состава договора суррогатного материнства.

Ранее действовавшее законодательство, характеризовавшееся серьезными внутренними противоречиями, по сути, допускало участие в программе суррогатного материнства любых физических лиц: мужчин и женщин, как состоящих, так и не состоящих в браке (без привязки к «между собой»), одиноких женщин и через легализацию в судебном порядке одиноких мужчин⁴⁰. В последнем случае требование закона о допустимости использования суррогатного материнства только по медицинским показаниям нивелировалось. К тому же было возможным использование донорских половых клеток и донорских эмбрионов, что делало допустимым отсутствие генетической связи ребенка с потенциальными родителями. Столь либеральное регулирование рассматриваемых отношений

³⁷ См.: Тарусина Н. Н. О ценностных ориентирах российской версии прав человека // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 18. № 2. С. 251.

³⁸ См.: Долголенко Т. В., Мельникова Т. В., Рычкова Н. Ю. Суррогатное материнство и закон // Российский следователь. 2023. № 7. С. 39–43; Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 44.

³⁹ См.: Arslanov K. M., Nizamieva O. N. Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 10. No. 12. P. 841–842; Борминская Д. С. Права ребенка в контексте суррогатного материнства на примере Англии и Франции // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С. 9–10; Ильина О. Ю. Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.

⁴⁰ См.: Егоров К. В., Егорова Е. С. Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов // Гражданское право. 2022. № 4. С. 17–20; Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.

породило репродуктивный туризм и массовый вывоз детей, рожденных российскими суррогатными матерями, за пределы РФ⁴¹.

Смещение целевых установок в пользу традиционных семейных ценностей привело к сужению круга лиц, которые могут стать стороной договора о вынашивании и рождении ребенка. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴², к услугам суррогатной матери могут прибегнуть только мужчина и женщина, состоящие в браке между собой, либо одинокая женщина, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям. Одновременно вводятся понятия «генетическая мать» и «генетический отец», поскольку потенциальные родители должны быть генетическими родителями ребенка, вынашиваемого суррогатной матерью. И наконец, появляется требование о том, что один из потенциальных родителей (генетическая мать или генетический отец) или оба (генетическая мать и генетический отец) либо одинокая женщина (генетическая мать), а также суррогатная мать должны иметь гражданство Российской Федерации.

Указанные нововведения, а также сопутствующие им положения о правовых последствиях прекращения или признания недействительным брака потенциальных родителей к моменту внесения записи о родителях ребенка в книгу записей рождений являются результатом проводимой государственно-правовой политики, направленной на сбережение семейных ценностей и традиций как элементов духовно-нравственного ценностного ряда и отражения доминирующих в обществе моральных норм и этических установок. И принятое правовое решение выступает неким компромиссом между утилитарными соображениями

и этическими ценностями, потому что в такой трактовке «оправдывается» легальный статус суррогатного материнства в его «косвенной связи с конституционной демографической функцией и целью сохранения и развития народа России»⁴³.

Другой ценностью, лежащей в основе любого договора и взаимосвязанной со свободой и справедливостью, выступает *равенство*. Как правило, в правовой доктрине утверждается, что равенство в договоре имеет формально-юридический характер, так как представляет собой некий технико-юридический прием. Под равенством понимаются равные правовые возможности охраны и реализации интересов каждого участника договора, автономное положение сторон по отношению друг к другу и возможность любой из них выступить инициатором возникновения договорных отношений. Однако обозначенное требует определенных уточнений.

Идея равенства взаимодействующих субъектов права в теоретико-правовых исследованиях приобретает следующие смысловые значения:

- равенство общего правового статуса людей, наличие у субъектов равной правоспособности, недопустимость какой-либо дискриминации («каждый имеет право», «каждый может», «каждому гарантируется»);

- отсутствие отношений власти и подчинения;

- формально-юридическое равенство, предполагающее существование у субъектов принципиально равных возможностей в приобретении прав и обязанностей и их осуществлении;

- равная защита перед законом и равенство ответственности⁴⁴.

Формальное равенство — это всеобщий масштаб и единая для всех норма регуляции, соблюдение эквивалентности, соразмерности и равномерности в отношениях между субъек-

⁴¹ См.: Войтович Е. П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 137–141; Ерохина Е. В., Канзафарова Э. Р. Суррогатный туризм // Юридический факт. 2020. № 123. С. 23–26.

⁴² СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9368.

⁴³ Красс В. И. Репродуктивные права и притязания // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины : монография / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М. : Проспект, 2023. С. 143.

⁴⁴ См.: Нерсисянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2020. С. 34; Козюк М. Н. Правовое равенство: Вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 13–15; Юрчук В. С. Юридическое равенство как важнейшая характеристика права // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2 «Юридические науки». 2017. № 3 (12). С. 55–57.

тами права⁴⁵. При характеристике частноправового равенства в юридической литературе нередко обращается внимание на такой его критерий, как баланс интересов участников правоотношений⁴⁶.

Своеобразное звучание категория равенства приобретает в трактовке Ю. В. Романаца. Автор рассматривает равенство субъектов правоотношения сквозь призму «нравственного достоинства» и «справедливости». Речь идет о равенстве нравственного достоинства людей, содержанием которого прежде всего выступают естественные неотчуждаемые права, свободы и обязанности, предоставляющие человеку возможность для нравственного совершенствования. «Нравственное достоинство требует признания за человеком права на истину, т.е. на то, чтобы в нем и во всем, что с ним связано, объективно видели то, что существует на самом деле. Это — естественное право, заложенное в нравственную природу человека. “Жажда правды” в той или иной степени живет в каждом из нас... Каждый из нас невольно ощущает нарушение этого права, когда сталкивается с необъективностью и несправедливостью»⁴⁷.

Ю. В. Романац обращает внимание на то, что в условиях фактического неравенства, когда одна из сторон договорных отношений, располагающая всеми реальными возможностями, в состоянии навязывать свою волю, установление формального юридического равенства (в виде наделения всех одинаковыми правами, обязанностями и распространения равных запретов) приводит к усугублению реального неравенства, и сильный получает возможность злоупотребления своей силой в ущерб слабому. Принцип равного нравственного достоинства предполагает такую организацию правоотношений, при которой оба контрагента имеют равные реальные возможности осуществления прав, выражающих нравственное достоинство, и ни один из них не может диктовать свою волю другому, фактически лишая его предоставлен-

ных прав и недобросовестно перераспределяя какие бы то ни было блага в свою пользу. Для преодоления фактического неравенства «необходима простая формула: равенство нравственного достоинства обеспечивается установлением справедливого юридического неравенства, адекватно уравнивающего фактическое неравенство»⁴⁸.

И надо признать: право располагает необходимым инструментарием (льготы, преимущественные права, специальные гарантии, дополнительные обязанности, правовые фикции, доказательственные презумпции и пр.), а также соответствующими приемами правового регулирования (запреты, ограничения и т.п.), которые позволяют осуществить такое выравнивание участников правоотношения. При этом существующее в законодательстве «льготирование» позволяет избежать формального или декларативного равенства субъектов. В юридической литературе подчеркивается, что, обеспечивая равные возможности и реализацию этих возможностей для субъектов, льготы выступают средством правового выравнивания или компенсации неравенства⁴⁹.

В доктрине семейного права под равенством (чаще всего с точки зрения гендерного признака, но не только), как правило, понимают социально-правовое явление, отражающее степень одинакового значения субъектов для общества и государства; наличие у граждан равных прав, свобод и обязанностей, а также возможностей для их реализации. Оно заключается в установлении единых правил поведения для субъектов правоотношений, находящихся в сходных условиях и с идеально одинаковыми обстоятельствами, а также различных правил поведения (установление запретов, ограничений, предоставление дополнительных прав, возложение юридических обязанностей, повышенной ответственности и т.п.) для субъектов правоотношений, находящихся в сходных условиях, но характеризующихся различными обстоятель-

⁴⁵ См.: Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 30.

⁴⁶ См.: Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. С. 133–140 ; Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2015. № 1 (26). С. 124.

⁴⁷ Романац Ю. В. Принцип справедливого равенства субъектов правоотношений между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46.

⁴⁸ Романац Ю. В. Указ. соч. С. 47.

⁴⁹ См.: Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Российское право, 1992. С. 17 ; Фильченко Д. Г. Процессуальные льготы «не подрывают принцип равенства» // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 74–89.

ствами, на основе критериев, закрепленных в нормативных правовых актах⁵⁰.

Глобальная идея равенства отражена в общих положениях семейного законодательства. Так, пункт 4 ст. 1 СК РФ устанавливает запрет на любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В то же время предусматриваются основания и цели возможного ограничения прав граждан в семье: только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. В этой связи следует согласиться с тем, что фактические различия между людьми с точки зрения физиологии (пол, возраст, беременность), социального положения (инвалид, пенсионер, ребенок-сирота), гражданства, отношения к правопорядку (судимость, отбывание наказания в виде лишения свободы) приводят к неравенству в определении правовых статусов субъектов в одних и тех же жизненных ситуациях с учетом указанных характеристик. Причем семейному законодательству эта особенность наиболее свойственна⁵¹.

К основным началам семейного законодательства также отнесен принцип равенства прав супругов в семье (п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 31 СК РФ). Обращает на себя внимание узкая направленность данного принципа.

Во-первых, в отличие от гражданского законодательства, основывающегося на признании равенства всех участников регулируемых им отношений, семейное предусматривает равенство лишь одной категории участников соответ-

ствующих отношений — супругов, а ими далеко не исчерпывается их круг⁵². Действительно, достаточно сложно говорить о равенстве сторон и их независимости в детско-родительских, усыновительских, опекунских и других семейных правоотношениях. Это та сфера, где взаимодействуют, дополняют и определяют границы (пределы) друг друга иные принципы: приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, добросовестного осуществления семейных прав и исполнения обязанностей, обеспечения баланса интересов сторон семейных отношений и др.⁵³

Во-вторых, В. Ф. Яковлевым справедливо отмечено, что основа и содержание равенства субъектов гражданского и семейного права различны. Если равенство субъектов гражданского права представляет собой юридическое выражение имущественной самостоятельности участников и эквивалентности товарно-денежных связей, то равенство субъектов семейных правоотношений базируется на личном равноправии в семейных правоотношениях и независимо от эквивалентности обмена⁵⁴.

Более того, в семейно-правовой науке представлена точка зрения, утверждающая присутствие элемента управления в любых семейных отношениях. Аргументация строится на том, что семья — это коллектив, в котором удовлетворяются общие потребности и решаются общие проблемы, а таковое затруднительно без внутреннего управления. Наличие общесемейных вопросов и необходимость их совместного разрешения всегда предполагают лидерство, активность и преобладание разумной воли одного из ее членов (супругов). Подобное неравенство еще в большей степени обнару-

⁵⁰ См.: *Левушкин А. Н.* Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств — участников СНГ : монография. М. : Юнити-Дана, 2014. С. 114–115 ; *Сочнева О. И.* Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 104.

⁵¹ См.: *Сочнева О. И.* Социальные и юридические аспекты конструкций семейно-правовых статусов // Социально-юридическая тетрадь. 2013. № 3. С. 52 ; *Она же.* Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве. С. 103.

⁵² Не возводя в ранг основных начал семейного законодательства, тем не менее вслед за Конституцией РФ, предусматривающей, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей, пункт 1 ст. 61 СК РФ закрепляет равные права и равные обязанности родителей в отношении своих детей.

⁵³ См.: *Ксенофонтова Д. С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. С. 18–29, 70, 73.

⁵⁴ См.: *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1.

живается в отношениях между родителями и несовершеннолетними детьми⁵⁵.

В любом случае установленное равенство супругов, а также равенство прав и обязанностей родителей сопровождаются разного рода законодательными отступлениями и изъятиями, получающими позитивную или негативную оценку в теории и на практике⁵⁶.

Учет возможной личной, психологической, имущественной или иной зависимости одного члена семьи от другого обнаруживается и в правовой регламентации договорных отношений. Так, например, пункт 3 ст. 42 и пункт 2 ст. 44 СК РФ справедливо расцениваются как инструмент защиты слабой стороны брачного договора⁵⁷. Необходимость специального основания для признания брачного договора полностью или частично недействительным, если его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, обусловлена тесной связью такого договора с личными отношениями сторон. В силу воздействия сугубо личных моментов: чувства привязанности, личной зависимости, чрезмерного доверия другой стороне, не исключается ситуация, когда одна из сторон соглашается заключить брачный договор, условия которого в дальнейшем приведут к существенному нарушению ее прав⁵⁸. Отсутствие имущественной самостоятельности, а также состояние экономической зависимости несовершеннолетних или нетрудоспособных членов семьи в договорных отношениях по алиментированию обуславливают наличие системы специальных правовых гарантий, направленных на защиту слабой стороны правоотношения. Не менее значима сбалансированность нематериальных интересов членов семьи

в регулировании иных договорных отношений, «причем интересов специфических, связанных с самыми сущностными потребностями человека (продолжение рода, защита потомства и иных родственников)»⁵⁹.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что хотя в основе договорных семейных отношений равенство имеет место, однако оно не играет первую скрипку. В большей мере ценностную основу договорного регулирования семейных отношений должно формировать *равное нравственное достоинство или формальное равенство, обогащенное справедливостью*. В этой связи вполне уместно процитировать высказывание М. В. Преснякова: «Первое и наиболее очевидное толкование принципа справедливости связано с понятиями “соразмерности”, разумной и обоснованной дифференциации объема прав, льгот, гарантий, которые предоставляются отдельным категориям граждан. В рамках данной модели находит свое выражение необходимость обеспечивать равенство всех правопользователей, с одной стороны, и требование разумной и обоснованной дифференциации — с другой (“равное — равным; неравное — неравным”)»⁶⁰.

Для семейно-правовой сферы наиболее приемлема концепция ретрибутивной (воздающей) справедливости, точкой опоры в построении которой является индивид, а критерием справедливости выступают права и свободы человека и гражданина. В социальной практике справедливость «сводится в конечном счете к уважению человеческой личности: к тому, чтобы при любых обстоятельствах охранять человеческую индивидуальность и свободу действия, которая — и это тоже справедливо! — ограничи-

⁵⁵ См.: Кравцова Л. Н. Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 т. Краснодар, 2005. Т. 1. С. 124–125.

⁵⁶ См.: Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125 ; Рыженков А. Я. Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19 ; Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 59–75.

⁵⁷ См.: Астапова Т. Ю. Реализация принципа равенства прав супругов в брачном договоре // Нотариус. 2019. № 5. С. 21–23 ; Волос А. А. Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 26–29 ; Савельев Д. Б. Соглашения в семейном праве : учеб. пособие. М., 2017. С. 44.

⁵⁸ См.: Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Юрист, 1996. С. 174.

⁵⁹ Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 17.

⁶⁰ Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости : монография / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009.

вается лишь там и ровно настолько, где и насколько оказывается затронутой свобода других лиц»⁶¹. При этом «справедливость есть способ отношения человека к другому лицу, основанный на принципе взаимности, уравнивающим людей в их достоинстве»⁶².

Сущностная специфика воздающей справедливости состоит не только в том, чтобы «как можно точнее соизмерять возмещение с убытком»⁶³ и принцип равного воздаяния рассматривать исключительно как принцип ответного действия за причиненный вред, но и в обогащении принципом воздаяния за совершенное благо: «не только зло за зло, но и добро за добро». Золотое правило воздающей справедливости формулируется следующим образом: «Относись к другому, как к самому себе». При этом смысл в том, что в отличие от первоначального варианта правила благодарности как ответа добром на добро оно содержит интенцию к будущему поведению субъекта. Иными словами, золотое правило заключает в себе требование воздаяния здесь и сейчас за добро, которое будет совершено позднее. Поскольку субъект подчиняет свое поведение своим пожеланиям ответного действия со стороны других по отношению к нему, то золотое правило автоматически превращается в требование равного уважения ко всем людям, непричинения им вреда или равной заботы о них⁶⁴.

Ретрибутивная справедливость рассматривает человека не во взаимных отношениях с другими людьми, а в соотношении с собой и с определенными стандартами общества. «Со-

гласно воздающей парадигме, парадигмальной справедливостью или несправедливостью в качестве ценностного идеала является не тот случай, когда индивид А получает больше или меньше индивида В, но случай, при котором А получает слишком много или слишком мало некоторого блага или тягот, но не относительно положения другого, а относительно своего собственного состояния»⁶⁵. Тем самым «ретрибутивная справедливость предполагает не сопоставление социального положения индивидов и распределение благ между ними, а предоставление каждому из них, взятому в отдельности, того, что должно»⁶⁶. Справедливость воздаяния исходит из инициативного признания Другого, уважения к личности другого человека и признания его прав⁶⁷.

Приемлемость применения концепции ретрибутивной (воздающей) справедливости к семейно-правовой сфере, на наш взгляд, обуславливается двумя ее важнейшими аспектами гуманистической направленности. И здесь не следует забывать, что к основным началам российского семейного законодательства отнесен принцип гуманности (ст. 5 СК РФ)⁶⁸. Впрочем, человеколюбие может рассматриваться и как самостоятельная ценностная основа договорного регулирования отношений семейно-правовой сферы. В частности, именно на принципе гуманности, по нашему мнению, в первую очередь должно строиться договорное регулирование отношений, возникающих в связи с использованием ВРТ. Недопустимость потребительского подхода к человеку, необходимость

⁶¹ Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство в формализации нравственных начал в гражданском праве // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 132.

⁶² Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство...

⁶³ Дыльнова Т. В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2005. С. 74.

⁶⁴ См.: Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁵ Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России : монография / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 27.

⁶⁶ Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁷ См.: Пресняков М. В. Указ. соч.

⁶⁸ «Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий, человечный) — представляет нравственный принцип в отношениях между людьми и в деятельности общественных институтов, в основе которого лежат забота о человеке, стремление к улучшению условий его жизни, обеспечение удовлетворения его потребностей и развития талантов» (Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. С. 121). Гуманизм также рассматривается как трепетное отношение не только к человеку, но и ко всему живому, милосердие, защита слабого от сильного, отказ от использования человека как средства, т.е. недопущение объективации человека в гражданских правоотношениях, и др. См.: Богданов Е. В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70–87.

обеспечения надлежащей правовой защиты ребенка как до, так и после рождения, охраны права на жизнь, обеспечения прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины очевидны⁶⁹.

Одна сторона воздающей справедливости, сопряженная с карательной функцией, представляет собой меру воздаяния за причиненное зло. Ее исходной формулой выступил принцип талиона (от лат. *talio* — «возмездие, равноценное проступку»; ответное возмездное действие должно быть равным совершенной несправедливости). Однако со временем воздающая справедливость обогащается новыми гуманизирующими началами: соразмерность наказания; строгое соблюдение эквивалентности возмездия проступку не исключает смягчения наказания, установления его меры ниже меры проступка⁷⁰. При применении мер ответственности необходимо учитывать обстоятельства, не зависящие от нарушителя, а также заслуживающие внимания интересы каждого из участников отношения (а возможно, и иных лиц, зависящих от нарушителя), что актуально и для современного семейного права. Так, например, действие принципа гуманности видится в применении мер ответственности к должнику за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей. Действующее законодательство, а также правоприменительная практика исходят из необходимости учета не только соразмерности наказания (взыскиваемая неустойка должна быть соразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов), но и материального и (или) семейного положения плательщика алиментов, а также исключительных обстоятельств, затрагивающих права и законные интересы других членов семьи алиментно-обязанного лица⁷¹.

Другая сторона ретрибутивной справедливости, в большей степени отражающая ее регулятивную функцию, заключается в равном воздаянии за предоставленное благо. Специфика этого аспекта выражается в ее инициативном характере и предположительном, ожидаемом возмездии за добро. Благодеяние здесь, в отличие от первоначального смысла правила благодарности, выступает не как ответное действие (собственно возмездие), а в качестве моральной обязанности давать, помогать и т.п. Эта интенция выражается, например, в благотворительности, которая, в отличие от мщения, базируется на этике золотого правила и заповеди любви. «Древнее правило благодарности как соразмерной “платы” за благодеяние здесь в значительной степени снимается требованием бескорыстного совершения добрых поступков. Однако в таком случае ретрибутивная, или возмездная, модель справедливости парадоксальным образом утрачивает характер возмездности»⁷².

Думается, что именно это гуманистическое направление справедливости объясняет существование в семейно-правовой сфере таких благ и ценностей, как любовь, понимание, счастье, забота, поддержка и т.п. Например, в преамбуле Конвенции ООН о правах ребенка, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 44/25, указывается на признание государствами — участниками того, «что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания». Представляется, что гуманность лежит в основе альтруистической концепции суррогатного материнства, воспринятой законодателями отдельных стран (например, Великобритании и Индии)⁷³.

⁶⁹ См.: Ахметьянова З. А., Гараева Г. Х., Низамиева О. Н., Опыхтина Е. Г. Эмбрион in vitro: к вопросу о правовом положении (с позиции гражданского права) // *Legal Bulletin*. 2022. Т. 7. № 2. С. 80–91; Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 5. С. 129–142; Ксенофонтова Д. С. Правовые основы геномной терапии: в поисках баланса интересов // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 143–152; Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62.

⁷⁰ См.: Александров Ю. В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2003. С. 21–22.

⁷¹ См.: Низамиева О. Н., Ксенофонтова Д. С. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // *Семейное и жилищное право*. 2018. № 6. С. 10–14.

⁷² Пресняков М. В. Указ. соч.

⁷³ См.: Борминская Д. С. Указ. соч. С. 10–12; Чехарина В. И. Суррогатное материнство в Индии: проблемы правового регулирования // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 8. С. 215–223.

На альтруизме основано существующее в семейном праве фактическое воспитание детей (ст. 96 СК РФ). Фактические воспитатели — это лица, которые осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетнего ребенка (детей), не являясь при этом родителями, усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями или патронатными воспитателями. Это могут быть как родственники ребенка, так и лица, не состоящие с ним в родстве. При этом, как правило, в правовой науке проблемы фактического воспитания рассматриваются сквозь призму форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, защиты прав таких детей или алиментных обязательств иных членов семьи⁷⁴.

Впрочем, по заслуживающему внимания мнению Е. Г. Комиссаровой, фактическое воспитание не связано с разрывом естественной родительской связи (с ситуациями детского неблагополучия): это продолжение и развитие естественного семейного воспитания. «Это тот вид и стиль социального воспитания, которое про ребенка, не лишенного родительского попечения, для ребенка, во благо ребенка и в интересах ребенка. Именно в целях недопущения разрыва семейной общности закон не считает такое воспитание просоциальным, оставляя свободу выбора родителям ребенка в том, быть или не быть этим отношениям в параллели с родительским воспитанием, а самому воспитателю — свободу принятия этих забот на себя. Порождаемые таким воспитанием последствия презюмируются позитивными, что с точки зрения гуманности выглядит нравственным и справедливым»⁷⁵.

Как уже отмечалось, точкой опоры в построении концепции ретрибутивной (воздающей) справедливости являются индивид, его права и свободы. И это, на наш взгляд, не противоречит идее о том, что чрезмерный эгоизм несправедлив в отличие от заботы о чужом и общем благе.

Механизм функционирования справедливости образно и вместе с тем достаточно точно

описан Р. Йерингом: «Никто не существует только ради самого себя, никто не может в жизни обойтись самим собою, всякий живет сознательно или бессознательно, с помощью и вместе с тем для других. Подобно тому, как всякое тело полученную им извне теплоту должно возратить обратно, так и человек, вдыхая в себя интеллектуальный или этический эфир, разлитый в культурной атмосфере общества, должен выдыхать его. Жизнь есть непрерывное дыхание; вдыхать воздух из окружающей атмосферы и выдыхать в нее одинаково необходимо как для физической, так и для умственной жизни. Во всяком отношении человеческой жизни можно отыскать признаки подобного существования для другого, в большинстве же — признаки существования друг для друга. Жена существует для мужа, но и последний — для жены; дети для родителей, родители для детей... община и ее члены, государство и его граждане, общество и индивид, народ и народ, отдельный народ и человечество — где найдем мы отношение, в котором не было бы существования друг для друга? <...> Куда ни посмотрим, всюду повторяется одно и то же явление: никто не существует только для себя, а также и для других, скажем точнее: для мира»⁷⁶; «Каждое отдельное лицо существует для мира и мир существует для отдельного лица»⁷⁷.

С учетом существования в семейно-правовой сфере интересов каждого из членов семьи, интересов самой семьи как социальной группы, интересов общества (отдельных общественных групп) и интересов государства, думается, справедливость предполагает баланс или гармонизацию упомянутых интересов, а также гармоничное состояние соответствия между персонцентризмом (индивидуализмом) и семьецентризмом. Применительно к последней дуальности договорное регулирование семейных отношений должно иметь в качестве социальной аксиологической основы как ценности индивидуализма (фундаментальные права человека, высокая ценность личности, свобода, самореализация, чувство собственного

⁷⁴ См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. М. : ТК Велби, 2009. Т. 3. С. 539–540 (автор — Е. Н. Бычкова) ; *Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. М. : Юстицинформ, 2017. С. 67 и др.

⁷⁵ *Комиссарова Е. Г.* Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 6. С. 18–25.

⁷⁶ *Йеринг Р. фон.* Указ. соч. С. 70.

⁷⁷ *Йеринг Р. фон.* Указ. соч. С. 71.

достоинства и др.), так и семейные ценности, в том числе ценность самой семьи и семейной жизни. Так, в ситуации, когда мужчина и женщина достигают соглашения о заключении брака, но не для создания семьи, а для достижения иных целей (фиктивный брак), мы наблюдаем отсутствие у лиц, совершающих обозначенные действия, соответствующих морально-нравственных установок и уважения института семьи, осознания ценности семьи как таковой⁷⁸. Очевидно, что эгоистические интересы упомянутых лиц, реализуемые таким образом, не заслуживают правовой охраны.

В то же время вряд ли следует игнорировать волеизъявление супругов, отраженное в договоре о криоконсервации эмбрионов, относительно их юридической судьбы при расторжении брака или смерти одного из супругов, разумеется, в допускаемых законом пределах: дальнейшее использование, донорство или уничтожение. Следует принимать во внимание право супругов на соответствующий репродуктивный выбор и уважать их право становиться или не становиться родителями. Однако при отсутствии в договоре соответствующих положений или изменении позиции одним из супругов (бывших супругов) и возникновении спора недопустим избыточный формально-юридический подход к содержанию договора. Заслуживают правовой защиты интересы той стороны, которая желает стать родителем, особенно если речь идет о невозможности повторного получения ее генетического материала, а соответственно, ценности родительства и детства. При этом стоит учесть и интерес противоположной стороны: вместо принудительного родительства (отцовства) законодатель мог бы предусмотреть освобождение ее от родительского статуса и фиксировать факт происхождения ребенка по правилам фиктивной записи (п. 3 ст. 51 СК РФ)⁷⁹.

В целом предпринятый анализ социальных и ценностных основ функционирования семейно-

правовых договоров позволяет сделать следующие выводы.

1. Социальная предопределенность функционирования договора, имплементация договора в социальные структуры взаимодействия их участников проявляются в том, что договор — это 1) естественный и неизбежный результат человеческого общения и информационного обмена; 2) средство достижения компромисса, влекущего за собой упорядоченность отношений; 3) результат поиска или самостоятельной разработки сторонами правовой формы; 4) инструмент гармонизации интересов участников, определения и фиксации общей цели, объединения их усилий для ее достижения, а также экономии разнообразных ресурсов и обеспечения безопасности; 5) механизм исчерпания прав и обязанностей, порождаемых соглашением сторон; 6) фактор обеспечения и защиты прав и законных интересов как самих участников договорных отношений, так и третьих лиц; 7) ресурс предотвращения и разрешения конфликтов.

2. Ценностная система координат семейно-правового договора строится на признании за его сторонами достаточного суверенитета и автономной воли, поскольку договор выступает формой проявления субъектности, индикаторами которой являются свобода и ответственность.

Ценностную основу договорного регулирования семейных отношений должно формировать равное нравственное достоинство сторон с учетом фактических различий между ними и возможной зависимости одного члена семьи от другого.

Для семейно-правовых договоров наиболее приемлема конструкция ретрибутивной справедливости, проявляющаяся в двух аспектах: 1) соразмерности наказания проступку с возможностью его смягчения в интересах членов семьи; 2) принципе ответа добром на добро, порождающем альтруистические формы поведения в семейных правоотношениях.

⁷⁸ См.: Ильина О. Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2 (78). С. 120.

⁷⁹ Тарусина Н. Н. О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15. № 2. С. 133.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Ю. В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Великий Новгород, 2003. 131 с.
- Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Юрист, 1996. 366 с.
- Астапова Т. Ю. Реализация принципа равенства прав супругов в брачном договоре // Нотариус. 2019. № 5. С. 21–23.
- Ахметьянова З. А., Гараева Г. Х., Низамиева О. Н., Опыхтина Е. Г. Эмбрион in vitro: к вопросу о правовом положении (с позиции гражданского права) // Legal Bulletin. 2022. Т. 7. № 2. С. 80–91.
- Богданов Е. В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70–87.
- Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. 2020. Т. 73. № 5. С. 129–142.
- Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Российское право, 1992. 320 с.
- Борминская Д. С. Права ребенка в контексте суррогатного материнства на примере Англии и Франции // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка : материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. С. 8–12.
- Вихарев А. А. Эволюция договорного регулирования семейных отношений в российском законодательстве // Образование и право. 2019. № 5. С. 85–90.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 797 с.
- Войтович Е. П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 137–141.
- Волос А. А. Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 26–29.
- Гаджиев Г. А. Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 5–18.
- Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. Т. 3. М. : ТК Велби, 2009. 800 с.
- Долголенко Т. В., Мельникова Т. В., Рычкова Н. Ю. Суррогатное материнство и закон // Российский следователь. 2023. № 7. С. 39–43.
- Дыльнова Т. В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Саратов, 2005. 341 с.
- Егоров К. В., Егорова Е. С. Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов // Гражданское право. 2022. № 4. С. 17–20.
- Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125.
- Ерохина Е. В., Канзафарова Э. Р. Суррогатный туризм // Юридический факт. 2020. № 123. С. 23–26.
- Забоев К. И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. М. : Юридический центр, 2003. 276 с.
- Залесский В. В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 105–111.
- Ильина О. Ю. Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.
- Ильина О. Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2 (78). С. 116–125.
- Йеринг Р. фон. Избранные труды. Самара : Самарская государственная экономическая академия, 2003. 520 с.
- Казанцев М. Ф. Философия договора: первое приближение к решению научной задачи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 127–133.
- Карпетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М. : Статут, 2012. 452 с.
- Кашанина Т. В. Частное право : учебник. СПС «Гарант», 2013.

- Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России : монография. Великий Новгород, 2004. 260 с.
- Клименко Ю. Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (44). С. 455–459.
- Козюк М. Н. Правовое равенство (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 1996. 24 с.
- Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 18–32.
- Кравцова Л. Н. Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 1. Краснодар : Просвещение-Юг, 2005. С. 122–129.
- Крусс В. И. Репродуктивные права и притязания // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины : монография / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М. : Проспект, 2023. С. 136–143.
- Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. 2019. № 6. С. 143–152.
- Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. М. : Статут, 2018. 207 с.
- Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. 269 с.
- Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 16–20.
- Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств — участников СНГ : монография. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2014. 324 с.
- Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М. : Ось-89, 2003. 143 с.
- Мартышин О. В. Справедливость и право: философия и теория юриспруденции // Право и политика. 2000. № 12. С. 4–15.
- Нерсисянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2020. 848 с.
- Низамиева О. Н., Ксенофонтова Д. С. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: поиск эффективных механизмов обеспечения алиментных прав // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 10–14.
- Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1998. 555 с.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. 352 с.
- Попова А. В. Христианская аксиология и онтология договорного права // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 26–36.
- Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости : монография / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009. 384 с.
- Примаков Т. К. Философские, политические и правовые аспекты развития договора // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 86–90.
- Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2015. № 1 (26). С. 123–128.
- Романец Ю. В. Принцип справедливого равенства субъектов правоотношений между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46–54.
- Рыженков А. Я. Принцип равенства прав супругов в семье: вопросы теории // Юрист. 2019. № 12. С. 13–19.
- Савельев Д. Б. Соглашения в семейном праве : учеб. пособие. М., 2017. 144 с.
- Свендсен Л. Философия свободы : монография. М. : Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.
- Синицын С. А. Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 45–61.
- Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. 729 с.
- Сочнева О. И. Реализация принципа равенства в современном семейном законодательстве // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 102–120.
- Сочнева О. И. Социальные и юридические аспекты конструкций семейно-правовых статусов // Социально-юридическая тетрадь. 2013. № 3. С. 45–54.
- Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62.
- Тарусина Н. Н. О «рождении и взрослении» теории семейно-правового договора // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15. № 2. С. 127–141.

- Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.
- Тарусина Н. Н. О ценностных ориентирах российской версии прав человека // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2024. Т. 18. № 2. С. 242–255.
- Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2009. 616 с.
- Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.
- Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 134 с.
- Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 59–75.
- Филиппова Т. А., Громоздина М. В., Тутаренко Е. П. Становление и развитие института соглашений в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 1. С. 57–65.
- Фильченко Д. Г. Процессуальные льготы «не подрывают принцип равенства» // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 74–89.
- Хамидуллина Ф. И. Нравственные основания гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2019. 282 с.
- Хамидуллина Ф. И. Справедливость как правовое средство в формализации нравственных начал в гражданском праве // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 130–135.
- Чеговадзе Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 330–348.
- Черненко А. К. Философия права. 2-е изд. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 149 с.
- Чехарина В. И. Суррогатное материнство в Индии: проблемы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 215–223.
- Юрчук В. С. Юридическое равенство как важнейшая характеристика права // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2 «Юридические науки». 2017. № 3 (12). С. 55–57.
- Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с.
- Arslanov K. M., Nizamieva O. N. Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience // Research Journal of Applied Sciences. 2015. Vol. 10. No. 12. P. 841–844.

REFERENCES

- Abramova EN, Averchenko NN, Baygusheva YuV, et al. Sergeev AP (ed.). Civil Law. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: TK Velbi; 2009. (In Russ.).
- Akhmetyanova ZA, Garaeva GK, Nizamieva ON, Opykhtina EG. Embryo in vitro: on the question of legal status (from the standpoint of civil law). *Legal Bulletin*. 2022;7(2):80-91. (In Russ.).
- Aleksandrob YuV. Justice in the value system of Russian legal culture. Cand. Sci. (Philosophy) Diss. Velikiy Novgorod; 2003. (In Russ.).
- Antokolskaya MV. Family Law. Moscow: Yurist Publ.; 1996. (In Russ.).
- Arslanov KM., Nizamieva ON. Surrogacy: Legal and moral dimension of the problem from the perspective of Russian, foreign and international experience. *Research Journal of Applied Sciences*. 2015;10(12):841-844. (In Russ.).
- Astapova TYu. Implementation of the principle of equity of spouses in a prenuptial agreement. *Notarius*. 2019;5:21-23. (In Russ.).
- Bogdanov EV. Humanism as a Principle of Russian Civil Law in the Context of New Technological Challenges. *Journal of Russian Law*. 2022;9:70-87. (In Russ.).
- Bogdanova EE, Maleina MN, Ksenofontova DS. Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies. *Lex russica*. 2020;73(5):129-142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142>.
- Bonner AT. Legality and Justice in Law Enforcement Activities. Moscow: Rossiyskoe pravo; 1992. (In Russ.).

Borminskaya DS. Prava rebenka v kontekste surrogatnogo materinstva na primere Anglii i Frantsii [The rights of the child in the context of surrogacy on the example of England and France]. In: Nizamieva ON (ed.). *Family law at the turn of the 20th–21st centuries: on the 20th Anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, Kazan (Volga) Federal University, December 18, 2010*. Moscow; Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

Chegovadze LA. A contract as a normative source of private law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2023;2:330-348. (In Russ.).

Chekharina VI. Surrogacy in India: Problems of Legal Regulation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(8):215-223. (In Russ.).

Chernenko AK. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2nd ed. Novosibirsk; Nauka. Sib. predpriyatie RAN Publ.; 1998. (In Russ.).

Dolgolenko TV, Melnikova TV, Rychkova NYu. Surrogacy and Law. *Russian Investigator*. 2023;7:39-43. (In Russ.).

Dyl'nova TV. Social justice as the basis for the consolidation and development of modern Russian society. Dr. Sci. (Sociology) Diss. Saratov; 2005. (In Russ.).

Egorov KV, Egorova ES. Assisted reproductive technologies: problems of legal competence of patients. *Civil Law*. 2022;4:17-20. (In Russ.).

Eliseeva AA. Equality of Spouses in Property Relations: History and Modern Challenges. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;(5):118-125. (In Russ.).

Erokhina EV, Kanzafarova ER. Surrogate tourism. *Yuridicheskiy fakt*. 2020;123:23-26. (In Russ.).

Filchenko DG. Procedural Benefits «Do Not Undermine the Principle of Equality». *Herald of Civil Procedure*. 2022;5:74-89. (In Russ.).

Filippova TA, Gromozdina MV, Titarenko EP. Establishment and development of the agreements institution in family law. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2021;18(1):57-65. (In Russ.).

Gadzhiev GA. A contract as a general legal value (to the question of the genesis of legal epistemology). *Journal of Russian Law*. 2019;1:5-18. (In Russ.).

Ilyina OYu. A double line or On the freedom of the reproductive choice of spouses. *Family and Housing Law*. 2024;3:5-8. (In Russ.).

Ilyina OYu. Family values and the value of the family: Unity and the fight of opposites. *Vestnik of Tver State University. Series «Law»*. 2024;2(78):116-125. (In Russ.).

Jering R. Selected writings. Samara: Samara State Academy of Economics Publ.; 2003. (In Russ.).

Karapetov AG, Savelyev AI. Freedom of a Contract and its Limits. Vol. 1: Theoretical, historical, political and legal grounds of the principle of freedom of contract and its limitations. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Kashanina TV. Private Law. «Garant» Law Reference System; 2013. (In Russ.).

Kashnikov BN. Liberalnye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii [Liberal theories of justice and political practice of Russia]. Velikiy Novgorod; 2004. (In Russ.).

Kazantsev MF. The philosophy of contract: the first step to the solution of a theoretical problem. *Vestnik Novosibirsk State University. Series «Philosophy»*. 2012;10(3):127-133. (In Russ.).

Khamidullina FI. Justice as a Legal Remedy in the Formalization of Moral Principles in Civil Law. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017;12:130-135. (In Russ.).

Khamidullina FI. *Nravstvennye osnovaniya grazhdanskogo prava [Moral grounds of civil law]*. Dr. Sci. (Law) Diss. Kazan; 2019. (In Russ.).

Klimenko YuG. Freedom as a legal category: On diversity of the concept. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2006;4(44):455-459. (In Russ.).

Komissarova EG. The Problem of Actual Parenting: A Methodological View. *Lex russica*. 2020;73(6):18-32. (In Russ.).

Kozyuk MN. Legal equality (questions of theory). Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 1996. (In Russ.).

Kravtsova LN. The Family Law Method. In: Civil legislation of the Russian Federation as a legal environment of civil society. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. In 2 vols. Vol. 1. Krasnodar: Prosveshchenie Yug Publ.; 2005. (In Russ.).

Kruss VI. Reproduktivnye prava i prityazaniya [Reproductive rights and claims]. In: Tumanova NV (ed.). *Ocherki po pravovym voprosam v sfere meditsiny [Essays on legal issues in the field of medicine]*. Moscow; Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

- Ksenofontova DS. Gene Therapy Legal Framework: In Search of Balance of Interests. *Lex russica*. 2019;(6):143-152. (In Russ.).
- Ksenofontova DS. Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya [Legal guarantees in the field of alimony]. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
- Kulakov VV. Principles of Family Law. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2017;(5):16-20. (In Russ.).
- Kuznetsova OA. Normy-printsipy rossijskogo grazhdanskogo prava [Norms-principles of Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.).
- Kuznetsova VG (ed.). Slovar filosofskikh terminov [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow: Infra-M Publ.; 2005. (In Russ.).
- Levushkin AN. Teoreticheskaya model postroeniya sistemy semeynogo zakonodatelstva gosudarstv — uchastnikov SNG [Theoretical model of building a system of family legislation of the CIS member states]. Moscow: Yuniti-Dana: Zakon i pravo Publ.; 2014. (In Russ.).
- Maksimovich LB. Brachnyy dogovor v rossiyskom prave [Marriage contract in Russian law]. Moscow: Os-89 Publ.; 2003. (In Russ.).
- Martyshin OV. Spravedlivost i pravo: filosofiya i teoriya yurisprudentsii [Justice and Law: Philosophy and Theory of Jurisprudence]. *Pravo i politika*. 2000;12:4-15. (In Russ.).
- Nersesyants VS. Philosophy of Law. 2nd ed. Revised and supplemented. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
- Nizamieva ON, Ksenofontova DS. The liability for the failure to discharge or undue discharge of child support obligations: search for efficient mechanisms of enforcement of child support rights. *Family and Housing Law*. 2018;6:10-14. (In Russ.).
- Pokrovskiy IA. Istoriya rimskogo prava [History of Roman law]. St. Petersburg: Letniy Sad Publ.; 1998. (In Russ.).
- Pokrovskiy IA. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Major civil law issues]. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2001. (In Russ.).
- Popova AV. Christian axiology and ontology of contract law. *Journal of Russian Law*. 2019;1:26-36. (In Russ.).
- Presnyakov MV, Komkova GN (ed.). Konstitutsionnaya kontseptsiya printsipa spravedlivosti [Constitutional concept of the principle of justice]. Moscow: DMK Press Publ.; 2009. (In Russ.).
- Primak TK. Filosofskie, politicheskie i pravovye aspekty razvitiya dogovora [Philosophical, political and legal aspects of the development of the contract]. *Filosofia prava [Philosophy of Law]*. 2008;1(26):86-90. (In Russ.).
- Pyankova AF. The balance of interests as a principle of civil law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*. 2015;1(26):123-128. (In Russ.).
- Romanets YuV. The principle of fair equality of subjects of legal relations between themselves. *Journal of Russian Law*. 2010;7:46-54. (In Russ.).
- Ryzhenkov AY. The principle of equality of rights of spouses in a family: Issues of theory. *Yurist*. 2019;12:13-19. (In Russ.).
- Savelyev DB. Agreements in Family Law. Moscow; 2017. (In Russ.).
- Sinitsyn SA. Contract: New facets of legal regulation and legal understanding issues. *Journal of Russian Law*. 2019;1:45-61. (In Russ.).
- Sochneva OI. Implementation of the principle of equality in the modern family legislation. *Social'no-yuridicheskaya tetrad'*. 2014;4:102-120.
- Sochneva OI. Social and legal aspects of constructions of family legal statuses. *Social'no-yuridicheskaya tetrad'*. 2013;3:45-54. (In Russ.).
- Svendsen L. Filosofiya svobody [Philosophy of Freedom]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2016. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the law-making and conflict-of-laws meaning of the legal positions of the supreme courts of the Russian Federation (on the example of family cases). *Herald of Civil Procedure*. 2023;13(2):95-109. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the «birth and maturation» of the theory of family law contract. *Demidovskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2025;15(2):127-141. (In Russ.).
- Tarusina NN. On the value orientations of the Russian version of human rights. *Vestnik Yaroslavl State University. Series «Humanities»*. 2024;18(2):242-255. (In Russ.).
- Tarusina NN. Semeynoe pravo: ocherki iz klassiki i moderna [Family law: essays from classics and art nouveau]. Yaroslavl: YarGU Publ.; 2009. (In Russ.).
- Tarusina NN. Some Statements Concerning the «Right to be Born». *Lex Russica*. 2021;74(5):52-62. (In Russ.).

Tatarintseva EA. Modeli pravootnosheniy po vospitaniyu rebenka v seme i tendentsii ikh formirovaniya v natsionalnom semeynom prave [Models of legal relations for raising a child in a family and trends in their formation in national family law]. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2017. (In Russ.).

Ulyanova MV. The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses. *Pravosudie*. 2023;5(4):59-75. (In Russ.).

Urchuk VS. Legal equality as an important feature of law. *Journal of Legal Sciences*. 2017;3(12):55-57. (In Russ.).

Vikharev AA. The evolution of contractual regulation of family relations in Russian legislation. *Education and Law*. 2019;5:85-90. (In Russ.).

Vladimirskiy-Budanov MF. Obzor istorii russkogo prava [An overview of the history of Russian law]. Moscow: Territoria, budushchego. 2005. (In Russ.).

Voitovich EP. Legal regulation of family relations involving foreigners in the Russian federation: results and prospects. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2017;5(78):137-141. (In Russ.).

Volos AA. The weaker party to a prenuptial agreement. *Notarius*. 2018;4:26-29. (In Russ.).

Yakovlev VF. Selected writings. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Zaboev KI. Pravovye i filosofskie aspekty grazhdansko-pravovogo dogovora [Legal and philosophical aspects of a civil contract]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr Publ.; 2003. (In Russ.).

Zalesskiy VV. Filosofiya dogovora (zakon dinamicheskogo ravновесiya) [Contract philosophy (dynamic equilibrium law)]. *Journal of Russian Law*. 2004;8:105-111. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
organizamieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Nizamieva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kazan (Volga) State University, Kazan, Russian Federation
organizamieva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 6 марта 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Received 15.11.2024.

Revised 06.03.2025.

Accepted 15.09.2025.